

18+

Сергей Карпенко

WE ARE THE CHAMPIONS

МЫ - ЧЕМПИОНЫ

Сергей Карпенко

We are the champions

«Издательские решения»

Карпенко С.

We are the champions / С. Карпенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988726-9

Книга о футболе, в ней показана судьба человека в мире спорта, как нелегко даются победы. Рассчитана на широкий круг читателей, поклонников футбола.

ISBN 978-5-44-988726-9

© Карпенко С.
© Издательские решения

We are the champions

Сергей Карпенко

© Сергей Карпенко, 2020

ISBN 978-5-4498-8726-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На московский стадион «Локомотив» ветеран спортивной журналистики Юрий Сергеевич Глазов, седой, среднего роста, худощавый с морщинистым лицом, пятидесяти семи лет от роду, прибыл по обыкновению задолго до начала футбольного матча между хозяевами стадиона и питерским «Зенитом». Стадион только начинал заполняться болельщиками и был ещё почти пуст. Стояла типичная для начала октября погода. День был пасмурный, с неба то и дело накрапывал мелкий дождик.

Юрий Сергеевич огляделся. Ложа прессы была тоже почти пуста, лишь чуть выше него сидел темноволосый с проседью человек в возрасте за сорок. Знавший многих представителей своего цеха, Глазов удивлённо подумал, что этого человека он видит впервые. Тот глядел на поле, где разминались футболисты и думал о чём-то своём.

«Интересно, – подумал Юрий Сергеевич, – какое отношение он имеет к футболу и почему он здесь, в ложе прессы?»

Незнакомец достал бинокль и стал внимательно разглядывать игроков на поле.

«А, наверное, это скаут какого-нибудь зарубежного клуба, и его интересует кто-то из наших футболистов, – решил про себя Глазов, – интересно бы узнать, какой клуб он представляет и кто из игроков его интересуется».

Тогда, в начале двухтысячных годов, московский «Локомотив» был одним из лидеров российского футбола. Тогда же начала восходить звезда питерского «Зенита», в составе которого появились молодые талантливые воспитанники, потому присутствие скаутов зарубежных клубов на играх этих команд считалось вполне естественным явлением.

Поднявшись со своего кресла, Юрий Сергеевич подошёл к незнакомцу:

– Извините, не одолжите ли на минуту бинокль? Мне надо посмотреть, на поле Х. или всё ещё травму залечивает.

– Пожалуйста, – незнакомец подал бинокль Глазову, глянув на того без тени неудовольствия, даже довольно приветливо. – Я его на поле не вижу.

– Да. Нет его. Значит, ещё в лазарете. Благодарю, и ещё раз извините за беспокойство, – улыбнувшись, сказал Юрий Сергеевич, возвращая бинокль хозяину. – А вы тоже журналист?

– Нет, я по другой части, – ответил незнакомец, улыбнувшись.

– Наверное, кого-нибудь из игроков просматриваете? – не унимался Глазов.

– Да. Я представляю известный европейский клуб, и меня действительно интересует кое-кто из футболистов на поле, – ответил хозяин бинокля.

– А кто, если не секрет? – спросил Юрий Сергеевич. – И что за клуб вы представляете?

– Извините, но я не могу вам сказать больше того, что сказал.

– Понимаю, – улыбнулся Глазов, и вдруг лицо незнакомца ему показалось знакомым.

Где-то он уже видел его, только это было давненько.

– А вы сами играли в футбол? – спросил он.

– Да, играл когда-то, – ответил тот и задумался.

Юрию Сергеевичу вдруг захотелось разговорить собеседника и узнать о нём больше. Какое-то чутьё репортёра подсказывало ему, что этот незнакомец с очень интересной футбольной судьбой.

– А вы не могли бы рассказать о себе? Чувствую, повидали вы немало на своём веку. Вы русский?

– Да, я русский, но моя карьера футболиста прошла в другой стране, да и жизнь тоже. Хорошо, я согласен рассказать вам о себе.

Матч между московским «Локомотивом» и «Зенитом» из Санкт-Петербурга выдался интересным и упорным. В итоге, на табло красовались цифры: один – один. Боевая ничья.

Сделав пометки в своём репортёрском блокноте и убрав его в карман куртки, Глазов вновь подошёл к незнакомцу и предложил заехать в известное ему небольшое и уютное кафе, где не раз брал интервью у игроков и тренеров. Незнакомец согласился, и они направились к выходу со стадиона.

– Да, я русский, – начал незнакомец свой рассказ. – Родился в небольшом городке Калужской области. Учился в школе, занимался в секции футбола, куда привёл меня отец в семилетнем возрасте. Когда мне было пятнадцать лет, мой тренер порекомендовал меня своему приятелю, работавшему тренером в Московской Футбольной Школе Молодёжи (ФШМ). После просмотра, я был зачислен туда и переехал в Москву. Мама поначалу была против, жалко ведь отправлять ребёнка одного в другой город, но отец настоял, и она, скрепя сердце и пролив немало слёз, согласилась.

Жил и учился я в интернате, постепенно привыкая к самостоятельности. Конечно, поначалу было тяжело и одиноко, но вскоре сдружился с однокашниками, и жизнь стала намного веселее. Да и родители навещали меня часто, заваливая домашней снедью. Занимаясь в ФШМ, мы постоянно играли во всевозможных турнирах. Некоторых игроков стали вызывать в юношескую сборную Союза. Попал в их число и я. Через пару лет меня пригласили в дублирующий состав московского «Торпедо», и это был один из счастливейших моментов в моей жизни. В дубле «Торпедо» тоже всё складывалось удачно, и меня стали привлекать к тренировкам с основным составом. Наконец, я был заявлен за основной состав и начал выходить на замену в играх чемпионата СССР...

Тут Глазов вдруг вспомнил, как совсем молодым репортёром поехал освещать международный юношеский турнир с участием сборной СССР, проходивший во Франции. Наша команда тогда выиграла этот турнир, и лучшим игроком был признан... Он взглянул на собеседника и спросил, назвав фамилию:

– Это вы?

– Да, это я, – ответил тот.

– А я ведь удивлялся, куда же вы пропали тогда, ведь такие надежды подавали? Некоторые говорили про вас, спился, мол. Были ведь такие примеры в то время, впрочем, и сейчас бывают.

– Нет, я не спился, а ушёл в тысяча девятьсот семьдесят пятом году по призыву служить в Советскую Армию.

– Но почему же не попали в армейскую футбольную команду? Почти в каждой области были всевозможные СКА и «Динамо». Да, наконец, почему же в московские команды не попали?

– Да вот молодой был, дурной.

Патриот «Торпедо». Со мной говорили и те, и другие, но я – ни в какую. Вот и поехал служить в действующую часть.

– А куда, если не секрет?

– В ГДР. Там, конечно, тоже была футбольная команда, и я играл за неё. Мы участвовали в различных соревнованиях войсковых команд и товарищеских играх с местными немецкими

командами, так что строевой службы мне толком испытать не довелось. Так прошло полтора года, и тут случилось то, что в корне перевернуло мою жизнь, и судьба моя вошла в иное русло.

Я получил известие, что мои родители погибли в автокатастрофе. Во мне как будто что-то оборвалось, я попал в какой-то ступор и всё, что было рядом, потеряло для меня всякое значение. Я рвался туда, домой. Мне обязаны были предоставить отпуск, это было предусмотрено законом. Но отцы-командиры говорили о предстоящем финальном матче на Кубок, и ничего их более не интересовало.

После слов моего командира о том, что родителей моих не вернуть, и я должен думать о финальной игре на Кубок, я сорвался и избил его, сломав ему челюсть. За это полагалась тюрьма, если не трибунал. Не знаю точно. Сразу пришло решение – бежать. Мои друзья помогли мне покинуть пределы войсковой части в грузовике, вывозящем мусор. В Берлине у меня среди немцев были приятели – футболисты местной команды, с которой мы частенько играли товарищеские матчи. У некоторых из них я бывал в гостях, находясь в увольнительной. В школах ГДР тогда изучали русский язык, и многие могли как-то изъясняться на нём, поэтому проблем в общении у нас не возникало. Вот к ним-то я бросился с просьбой, спрятать меня, так как сразу же после моего побега начались усиленные поиски. Высокий, рыжеватый парень Курт, вратарь футбольной команды, которому я забил немало голов в наших матчах, предложил мне попытаться перейти границу в Западный Берлин. Ему были известны несколько способов удачного перехода, и он рассказал мне о них. Подкоп под Берлинскую стену, конечно же, отпадал. Наиболее приемлемым был способ переброски меня в автомобиле.

В своей части я слышал о случаях дезертирства и перебежек в Западный Берлин, которых было немало. Сбегали и солдаты, и офицеры, и даже одна жена офицера убежала туда. Но я и подумать не мог, что меня тоже ждёт эта участь. Надо сказать, что для некоторых автовладельцев Восточного Берлина перевозка людей через границу была своеобразным бизнесом. Их автомобили были оборудованы тайниками так, что осматривая их, ни за что нельзя было догадаться, что где-то в недрах железного коня скрывается человек. Вот к такому-то автоладельцу мы и направились ночью.

Я был переодет в гражданскую одежду, а на голове был парик с длинными волосами «аля хиппи».

Хозяин машины, взяв деньги (спасибо Курту и друзьям), деловито сообщил, что выезжаем утром. От меня требуется не чихать, не кашлять, не шевелиться, только сидеть и потихоньку дышать, моля Бога, чтобы не обнаружили.

И вот, рано утром, я увидел это средство передвижения, предназначенное для бегства людей из социалистического рая. На вид обычные «Жигули» – двойка, но спинка заднего сиденья скрывала нишу, в которой прятался человек. Перегородка между задним сиденьем и багажным отсеком была сдвинута в сторону последнего, чтобы обеспечить достаточный объём. Согнувшись калачиком, можно было вполне уместиться в этом тайнике. Хозяин авто советовал: перед поездкой не есть, не пить, что я и выполнил. Теперь же, заняв эту нишу, я оценил этот совет, поняв, что с полным желудком было бы тяжело. Эта поездка показалась мне вечностью. Машина двигалась, останавливалась, снова двигалась. Наконец, я услышал, как открывают багажник, салон. Потом дверцы автомобиля захлопнулись, и я понял, что моя жизнь сейчас делает крутой поворот в сторону неизвестности. «Что ждёт меня там? Какой будет моя судьба? – эти мысли пронеслись в голове, вызывая беспокойство и волнение, но подумалось: Что было бы со мной здесь. Тюрьма, наверное, не самый плохой исход, могло быть и гораздо хуже. Да будь, что будет, решил я и как-то успокоился сразу: Живы будем – не умрём».

Как сказал моим друзьям, а они объяснили мне, владелец автомобиля, я должен сразу явиться в полицейский участок, предъявить документ (военный билет у меня был с собой) и сделать заявление о своём побеге, с просьбой предоставить политическое убежище. Но вышло всё по-другому.

Надо сказать, что английскому языку меня обучали родители с раннего детства. Моя мама преподавала его в школе, а отец свободно разговаривал на нём. Поэтому я довольно хорошо изучил английский и говорил на нём как англичане, без акцента, присущего иностранцам.

И вот, идя по улице Западного Берлина, я увидел стоящий рядом с пивным баром военный автомобиль с флажком Великобритании на капоте. Я знал, что в Западном Берлине есть представители английских и американских войск, и решил для себя, по возможности, попытаться уехать в одну из этих стран. «Лучше, конечно, в Англию, ведь там футбол», – думал я.

А тут такой случай: англичане сами попались мне на пути. Смотрю, трое бравых командос выходят из бара и садятся в автомобиль. Я подошёл к ним и сказал, что хочу говорить с их начальством, объяснив, кем являюсь и откуда прибыл. Подумав и поспорив между собой, они предложили мне сесть в машину, и мы поехали на военную базу английских оккупационных войск.

Долговязый худощавый майор уставился на меня своими зелёными глазами, как кот на мышь, и задумался. Я изложил ему всё: кто я, откуда и чего прошу. После раздумий он начал звонить куда-то, предложив мне ненадолго выйти из кабинета. Минут через двадцать, крикнув дежурного сержанта, майор дал ему какие-то указания и позвал меня:

– Я доложил о вашем деле моему начальству в Лондон. Будем ждать его решение. А пока отдыхайте, вам покажут, где это можно сделать.

Вошёл сержант, и майор кивком головы показал мне, следовать за ним. Сержант отвёл меня в небольшую комнатку, где была кровать, шкаф, столик и два стула.

– Располагайтесь здесь, отдыхайте. Я прикажу вас покормить, – сказал он мне и вышел.

«Интересно, – думал я, – кто я для них сейчас: пленник или гость?»

Вошёл солдат в белой хлопчатобумажной куртке и белом колпаке.

«Повар», – догадался я.

Он поставил на столик поднос, на котором были жареный бекон с яичницей, ломоть белого хлеба, чашка чая и молочник с небольшим количеством содержимого.

– Пожалуйста, – сказал он и пошёл к выходу.

– Спасибо, – ответил я, ощутив зверский голод при виде еды. Всё произошедшее со мной отошло на дальний план, и я набросился на неё. Насытившись, я вновь предался своим размышлениям, гадая, что же всё-таки ждёт меня. О том, что меня выдадут Советской стороне, я даже не думал. Скорее всего, было два варианта развития событий: или мне предоставят политическое убежище в Великобритании; или передадут меня представителям Западной Германии. При втором варианте мне также придётся просить политического убежища.

Уже близился вечер, как ко мне в комнату вошёл сержант и сказал, что меня хочет видеть майор.

– Поздравляю, – сказал тот, когда я вошёл к нему. – Вам будет предоставлено политическое убежище Королевством Великобритании. Завтра, рано утром, туда вылетает самолёт британских ВВС, который возьмёт вас на борт. Всё, отдыхайте.

Я поблагодарил его и пошёл в свою комнату. Военный билет он мне не отдал, видимо, тот будет у сопровождающего.

«Интересно, кто же меня будет сопровождать», – думал я, хотелось расспросить, что меня ждёт дальше.

На следующий день рано утром ко мне заглянул сержант и сказал, что пора на вылет.

Это был небольшой транспортный самолёт, в котором пассажиров было всего восемь: четверо солдат, летевшие, видимо, в отпуск, так как они постоянно шутили и смеялись; два офицера; я и молодой человек в штатском, который и был моим сопровождающим. Как он представился, это был работник посольства по имени Джордж. Я пытался узнать у него, что меня ждёт дальше, но он, вежливо улыбаясь, с извинениями говорил о своём неведении, пере-

водя разговор на другие темы, и в свою очередь, расспрашивая меня о моей жизни. Затем я уснул и проснулся от того, что кто-то тормозит меня, назойливо бубня при этом в самое ухо. Я открыл глаза и увидел растянутое в улыбке лицо Джорджа, который сказал мне:

– Сейчас будет посадка, мы уже в Англии.

– А какой это город, – спрашиваю.

– Это недалеко от Лондона.

Приземлились мы на небольшом, видимо военном, аэродроме. Выйдя из самолёта, сразу попали под моросящий дождь.

«Вот он, туманный Альбион. Ну, здравствуй, – подумал я. – Встречаешь меня поистине английской погодой».

К нам подошёл военный и, отведя Джорджа в сторону, что-то начал говорить ему, показывая на меня глазами. Закончив разговор, они подошли ко мне, и Джордж, как всегда улыбаясь, сказал, что я поеду с военным, но он со мной не прощается, и нам ещё предстоит увидеться с ним. Я, улыбнувшись в ответ, поблагодарил его и попрощался. Военный кивком головы предложил мне следовать к стоявшему невдалеке автомобилю, и сам торопливо зашагал к нему. Усевшись в машину, мы выехали с аэродрома через открытый шлагбаум и покатали к видневшемуся вдалеке населённому пункту.

Это было предместье Лондона. Коттеджи, газоны, лужайки – всё аккуратно, чистенько. В ГДР такого нет, хотя там тоже не «немытая Россия». И тут вдруг я ощутил такой прилив тоски по своей родной стране, даже сердце сжалось, и слёзы чуть не брызнули из глаз, но я сдержался, хотя был уверен тогда, что больше никогда не увижу родные пенаты.

Наконец мы прибыли в Лондон.

С любопытством я рассматривал в окно автомобиля двухэтажные автобусы, важных и строгих полисменов в их яйцеобразных шлемах, многообразие уличной толпы, состоящей из представителей различных рас, великолепие архитектурных строений и, конечно, главную водную артерию Англии – Темзу.

Машина остановилась у неприметного трёхэтажного дома с флагом Великобритании.

– Нам сюда, – сказал офицер, вылезая из неё. Я последовал за ним, и мы вошли в здание. Поднявшись на второй этаж и пройдя в конец коридора, мы остановились у двери кабинета с табличной «Мистер Грэй». Постучавшись и не дождаввшись приглашения, офицер приоткрыл дверь, и заглянул туда, затем повернулся ко мне, и кивком головы пригласил войти. Я вошёл, а он остался в коридоре.

За столом сидел лысоватый человек лет сорока, невзрачной наружности, в штатском костюме, и что-то писал.

Подняв глаза, он пригласил меня сесть за стол напротив него. Кончив писать, он стал задавать мне вопросы относительно моей воинской службы. Вопросов было очень много, его интересовало буквально всё, и даже меню в солдатской столовой. Я, что знал, всё ему поведал, а знал я немного. Ведь полтора года своей службы я в основном играл в футбол и тренировался, так и не освоив азы воинской науки.

Лысоватый (как я понял, он был представителем военной разведки), спустя три с половиной часа, кажется, понял, что от меня ему ничего не добиться по причине моего полного незнания не только военных секретов, но даже меню в столовой. Нас ведь как спортсменов кормили отдельно от общего котла.

Поблагодарив меня, он позвонил по телефону, и вошёл тот же самый офицер, с которым я приехал к нему. Я встал и, простившись с лысоватым, кивнувшим мне, направился к выходу. Офицер провёл меня в другой кабинет, находящийся в центре коридора на этом же этаже. Войдя туда, я увидел улыбающегося джентльмена с волнистыми каштановыми волосами с проседью и морщинистым лицом, в возрасте, наверное, за пятьдесят. Он радостно сообщил мне, что правительство Великобритании предоставляет мне политическое убежище. Мне

надлежит выехать в город Уэст-Бриджфорд, административный центр графства Ноттингемшир для постоянного проживания. Затем он вручил мне документ, удостоверяющий личность, и сообщил, что на моё имя открыт счёт в одном из местных банков, на который будет ежемесячно поступать назначенная мне сумма на содержание. По прибытии в Уэст-Бриджфорд мне надлежит явиться в местный орган власти и зарегистрировать своё прибытие. Мне будет оказана помощь в поиске жилья эконом-класса, которое будет оплачиваться казной в течение двух лет. Я могу свободно выбрать себе род занятий, не противоречащий законам Великобритании. Тут же мне вручили билет на поезд до Ноттингема и небольшую сумму денег на дорогу, а так называемые подъёмные я смогу получить по прибытии, так как они должны поступить на мой счёт в ближайшее время. Выйдя из офиса, я просто растерялся, не зная, куда идти, но тут же вернулся туда опять, чтобы расспросить, как же мне добраться до вокзала. Мне любезно объяснили и показали на карте Лондона мой маршрут. Поблагодарив, я отправился к месту своего жительства, город Уэст-Бриджфорд. В поезде пассажиров было немного. Все чинно сидела на лавках, а в вагоне стояла тишина, нарушаемая гудками локомотива. Не было того шума толпы, гвалта, смеха, всего, чем наполнены наши электрички. И эти пассажиры с каменными лицами, и тишина напоминали похоронную процессию. Разглядывать попутчиков было неудобно, смотреть в окно бесполезно – видимость застилал молочно-белый туман, поэтому я просто закрыл глаза и думал о своём. Под мерное покачивание вагона я задремал, и тут проводник, проходя мимо, громко объявил: «Ноттингем!».

Выйдя на перрон, я посмотрел на часы: поезд шёл из Лондона ровно два часа. На улице, как и в столице, моросил дождь. Я увидел на стене вокзала карту города и подошел к ней: Уэст-Бриджфорд примыкал к Ноттингему с юга и находился на правом берегу реки Трент. Наметив себе маршрут, я двинулся по нему, ориентируясь по названиям улиц. Вспомнился мой приезд в Москву впервые без родителей, и та растерянность, вдруг охватившая меня на Киевском вокзале столицы. Но тогда окружающие не казались мне такими чужими, как сейчас, там была моя страна, мои соотечественники. А тут, всё было чужое, словно я попал на другую планету. Я даже подумать не мог, что когда-нибудь буду с тоской вспоминать Ноттингем. Шагая под моросящим дождиком, я разглядывал с интересом этот, ещё не знакомый мне город, и он нравился мне. Нравилась архитектура, малочисленность людей на улицах, в отличие от Лондона, какой-то более спокойный городской ритм, без столичной спешки и деловитости.

Прибыв в Уэст-Бриджфорд, я нашёл здание администрации и, войдя во внутрь, показал какому-то клерку в вестибюле свои сопроводительные документы с просьбой помочь мне найти нужный кабинет. Тот любезно, с улыбкой, указал в левую часть коридора и назвал номер кабинета: семь. Постучавшись, я приоткрыл дверь?

– Извините, можно войти?

– Пожалуйста, – был ответ.

Я вошёл и увидел даму или, скорее, миссис средних лет, довольно крупную, с копной светлых волос и мясистым носом.

– Чем могу помочь? – спросила она, улыбаясь и указывая мне на стул.

Я подал ей свои документы и, поблагодарив, сел.

Внимательно прочитав их, и ещё раз пристально оглядев меня, миссис Браун, как было написано на двери кабинета, улыбнулась и сообщила, что ей звонили из Лондона, и поэтому жильё для меня уже подготовлено. Это одноместный номер в небольшом отеле на берегу реки Трент. Я могу отправиться туда прямо сейчас. Что касается пособия, то завтра я могу получить его, так как деньги поступят на мой счёт, открытый в банке буквально только что, завтра.

– Добро пожаловать в Ноттингем! – на прощание, с улыбкой произнесла она. Я поблагодарил её и вышел.

«Что ж, надо устраиваться, – подумал я. – Теперь это мой город, и здесь мой дом».

Двухэтажное здание отеля буквально утопало в зелени, рядом спокойно несла свои воды река Трент. Я залюбовался видом и, несмотря на дождик, постоял немного, не заходя в отель, осматривая окрестности.

«А что это там, подальше, похожее на стадион? Да, кажется, это и есть стадион. Надо будет расспросить владельцев отеля», – подумал я.

Наконец, я вошёл внутрь и сразу упёрся в стойку портье.

Хозяевами отеля являлась супружеская пара Роуз, Джон и Линда.

Было им где-то за сорок, жили они душа в душу, не утратив с годами чувства друг к другу.

Джон был выше среднего роста, крупного сложения с рedeющей курчавой шевелюрой на голове и живыми карими глазами. Линда была под стать мужу, тоже крупная, высокая, сероглазая шатенка с грубоватым голосом. С виду суровая, но в душе добрая и ранимая.

Мы сразу ощутили взаимную симпатию с ними. У них пять лет назад погиб сын Мартин, которому было девятнадцать лет, как мне сейчас. Смерть настигла его в одной из жесточайших драк футбольных фанатов, нередко сопровождающих футбольные матчи. Других детей у семейства Роуз не было. И впоследствии, ощутив их заботу и внимание, я чувствовал, что напоминаю им сына, а они, в свою очередь, тоже напоминали мне моих родителей.

А поначалу Джон и Линда отнеслись ко мне настороженно, посчитав кем-то вроде секретного агента. А что ещё можно подумать, если платит за моё проживание государство. Но, когда я им рассказал о себе всё, они сразу изменили своё отношение к моей персоне. Их очень возмутило то обстоятельство, что командование не отпустило меня на похороны моих родителей.

– А ты был коммунистом? – спросил Джон.

– Нет, таких молодых в коммунисты не принимают, – ответил я.

Правда, в юношеской сборной Союза, перед выездом на международный турнир, мне выдали комсомольский билет, объяснив, что игрок сборной СССР должен быть комсомольцем, чтобы достойно представлять страну за рубежом. Сейчас, этот билет, наверное, пылился в моей армейской тумбочке, я не помню, когда брал его в руки последний раз.

Особенно семейству Роуз понравилось, что я был футболистом. Они были страстными болельщиками местного футбольного клуба «Ноттингем Форест», чей стадион «Сити Граунд» находился недалеко от их отеля. А на другом берегу реки Трент был стадион «Мидоу Лэйн» другого клуба из Ноттингема – «Ноттс Каунти». Отношения между этими клубами и их болельщиками не были враждебными, как в других английских городах, имеющих несколько футбольных команд. И матчи между ними (дерби – как их называют в Англии) проходили в спокойной обстановке, без драк и взаимных оскорблений. Всё это я узнал сразу же от семейства Роуз, как только речь зашла о футболе.

Комнату мне отвели на первом этаже, угловую, под номером «восемь». Там была кровать, шкаф, стол, пара стульев, санузел с душевой кабинкой. Окно выходило на реку. Мне сообщили время завтрака, обеда и ужина, а также дни, когда я должен сдавать белье для прачечной. Первый этаж был свободен от постояльцев, на втором – заняты несколько номеров. В холле можно было смотреть установленный там телевизор, но меня это мало занимало. Хотелось познакомиться с городом, окрестностями, побывать на стадионе и увидеть футбольный матч. Обе местные команды «Ноттингем Форест» и «Ноттс Каунти» играли во втором дивизионе футбольной лиги. И если вторые тогда, весной тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, были в середине турнирной таблицы, то «Форест» боролся за путёвку в первый дивизион, и его болельщики с замиранием сердца следили за каждым матчем. Каждое добытое командой очко вселяло праздник в души почитателей клуба, а каждая потеря воспринималась катастрофически.

И вот однажды за обедом Джон говорит мне:

– Ну что, парень, готовься. Сегодня идём на стадион.

– А с кем играет «Форест»? – спрашиваю.

– Как с кем?! Он даже не знает! Да дерби сегодня, – возмущённый моим невежеством отвечает Роуз.

Смотрю на календарь: восьмое марта. Я всегда поздравлял маму в этот день. Год назад посылал открытку с поздравлением. Теперь вот некого поздравить, хотя, а Линда?!

– Линда, с праздником тебя, – говорю, – с женским днём.

– Спасибо. А что у вас есть такой праздник?

– Да, и это даже выходной день.

– Правда?! Хорошо у вас, в СССР, ценят своих женщин. Нашим в Англии поучиться бы.

– А то я недостаточно ценю тебя, – недовольно проворчал Джон.

– Ну, ты у меня – исключение, – успокоила его Линда, чмокнув в лоб при этом.

Итак, сегодня матч двух команд графства Ноттингемшир, дерби: «Ноттингем Форест» – «Нотс Каунти». Игра будет на поле «Форест» – стадионе «Сити Граунд».

За час до начала матча мы втроем вышли из отеля и направились к стадиону. Издали было видно болельщиков «Форест» в красных шарфах, футболках, надетых поверх курток. Постепенно сближаясь с толпой, мы влились в неё, людской поток подхватил нас и понёс к входу на стадион. Пройдя турникеты и предъявив билеты контролёру, мы оказались внутри квадратной чаши «Сити Граунд». Рёв болельщиков ошеломил, в Союзе на стадионах было тише. Непривычной была близость газона к трибунам, без традиционных в СССР беговых дорожек, окольцовывающих поле и отделяющих его от трибун. Вот трибуны затянули песню.

– Гимн «Ноттингем Форест», – пояснил Джон, и они с Линдой стали подпевать хору болельщиков. С противоположной стороны, с трибун в черно-белых цветах, понеслась над полем другая песня – гимн «Нотс Каунти». Два гула, два мотива слились в один, и только слышалось непрерывное: «А-а-а!». И даже нельзя было определить, чей гимн звучит громче. Наконец мы пробрались на свои места. Я огляделся: кругом были возбужденные лица, раскрасневшиеся от непрерывного крика, пения и выпитого пива.

Вот команды вышли на поле, прозвучал свисток арбитра, и матч начался. «Форест» сразу принялись давить. Волны их атак одна за другой накатывали на ворота соперника, и трибуны разочарованно вздыхали после очередного срыва атаки, или неточного удара по воротам. Но вот «сороки» (прозвище «Нотс Каунти») осмелели и принялись делать попытки ответных вылазок на ворота «лесников» (прозвище «Ноттингем Форест»). И в одной из таких редких атак им удалось запихнуть мяч в ворота хозяев поля. Что тут началось на трибунах! Свист, шум, гам, топот тысяч ног. Болельщики «сорок» затянули гимн «Нотс Каунти». А фанаты «Форест» пытались заглушить его свистом и шумом. Пропустив гол, хозяева поля уже не лезли вперед так опрометчиво, и вскоре им удалось отыграться.

Наконец прозвучал свисток арбитра, известивший об окончании первого тайма. Команды пошли в раздевалки, часть болельщиков ушла с трибун по своим делам, Джон и Линда с ними, а я остался сидеть на своем месте, глядя, как запасные игроки обеих команд разминались на поле. Как же мне хотелось тоже повозиться с мячом, побить по воротам!

Перерыв заканчивался, и болельщики возвращались на свои места. Пришли Джон и Линда.

– А ты так и просидел тут всё время? – спросил Джон.

– Да. Я на поле смотрел, по мячу скучаю.

– Да купи себе мяч и играй, сколько хочешь.

– Я же футболист. По игре скучаю.

– А у нас в парке собираются парни играют по вечерам. Даже кое-кто из «Форест» иногда там бывает. Хочешь, я тебе покажу, где это?

– Ладно, спасибо.

Во втором тайме игра проходила с переменным успехом. Могли забить и хозяева и гости. За пятнадцать минут до окончания матча «Ноттс Каунти» забили победный гол, встреченный восторженным ревом своих фанатов. Болельщики «лесников» хранили молчание. «Ноттингем Форест» пытался отыграться, но все атаки «лесников» разбивались о защитные порядки «Ноттс Каунти». Вот прозвучал финальный свисток арбитра, и трибуны вновь заревели: болельщики «сорок» – от восторга, болельщики «лесников» – от негодования.

Мы с Джоном и Линдой, подождав немного, пошли на выход. У стадиона было скопление полиции, разделявшей потоки болельщиков противоборствующих команд.

– Пошли в паб, я угощаю, – предложил Джон – залить горе. Это ведь не просто проигрыш, а поражение в дерби, понимаешь.

Конечно, я тогда не понимал, что значит для англичан победа или поражение в игре с командой из одного города с твоей, в так называемом дерби. В Союзе, конечно, приятно было выиграть у тех же московских команд, но это не было так принципиально, не воспринималось с таким восторгом и злорадством над соперником, как в Англии. А поражение в дерби было сродни вселенскому горю и переживалось очень долго и болезненно. В паб пойти я отказался.

Мы с Линдой пошли в отель, а Джон, встретив приятелей, отправился с ними заливать пивом горечь поражения любимой команды.

– Тебе надо посмотреть наш город. Здесь много чего интересного, – сказала мне Линда по дороге в отель.

– Да, конечно. Теперь, это мой город, и хотелось бы побыстрее познакомиться с его достопримечательностями, – ответил я.

– Я могу попросить свою племянницу Лили, она студентка, быть твоим гидом.

– Буду очень признателен, Линда.

Лили оказалась стройненькой девятнадцатилетней блондинкой с вздернутым носиком и большими серо-голубыми глазами. Познакомившись, мы собрались на прогулку по Ноттингему.

– Наш город основан в седьмом веке и носит название от имени саксонского вождя. Город окружен Шервудским лесом, в котором есть дуб-долгожитель, ему около тысячи лет, – начала просвещать меня Лили, как только мы вышли из отеля.

– Про Шервудский лес я читал, и о Робин Гуде тоже, в романе Вальтера Скотта «Айвенго», – сказал я ей, чтобы не выглядеть совсем уж темным неучем.

– Так вот, там описано возвращение короля Ричарда Львиное Сердце в Англию из Крестового похода, – стала развивать тему Лили. – Пока король отсутствовал, власть захватил его брат, принц Джон, сторонниками которого был занят Ноттингемский замок. Ричард с верными войсками осадил и, после осады, занял наш замок, разбив войска принца Джона...

– А затем он опять занял свой трон, – вставил я.

– Может быть, ты станешь рассказывать, а я буду слушать? – обиженно надула губки Лили.

– Ну извини. Просто я читал об этом, да и не хочется перед тобой выглядеть олухом.

– Хорошо. Только, пожалуйста, не перебивай меня больше.

– О'кей.

Больше я не перебивал Лили, да я и не знал больше ничего о Ноттингеме. Город оказался довольно компактным, с красивой архитектурой. Лили показала мне символ Ноттингема – дворец Холлатон-холл, памятник Робин Гуду, Ноттингемский замок, ветряную мельницу Грина, художественный музей, Церковь Сент-Мэри. Поразила своими размерами Церковь Всех Святых, высота шпиля которой составляет пятьдесят три метра, а поместиться в ней могут одновременно восемьсот человек. Еще я увидел ратушу на площади Олд Маркет, дом великого английского поэта лорда Байрона, Галерею Правосудия, дом промышленника Аркрайта, Готический собор Святого Варнавы.

В небольшом заведении «Атлас» мы съели по сэндвичу, запив соком. Меня поразило большое количество парков и лужаек в городе.

Все таки наши, советские, города менее благоустроены и как-то более неряшливо выглядят. А здесь все чисто и аккуратно. Но вдруг, как тогда, по прибытии в Лондон, я ощутил такую тоску по дому, по своему городу, по стране, что даже комок подкатил к горлу, а Лили заботливо поинтересовалась, что со мной.

Я успокоил ее, сказав, что все о'кей, просто вспомнил родной город.

Она понимающе улыбнулась уголками губ и предложила на следующий день посетить Кресвел-Крэгс – известняковый карьер с пещерами, где проживали люди во времена Ледникового периода. Вечер мы с Лили закончили прогулкой в парке и посещением небольшого кафе. Затем я проводил ее домой и вернулся в отель далеко за полночь. Джон и Линда уже спали, как и постояльцы со второго этажа. Я, стараясь не шуметь, прошел в свою комнату и с удовольствием растянулся на кровати. Сначала, сон не приходил. Я вновь и вновь видел перед собой городские пейзажи, достопримечательности, мысленно бродя среди них и, наконец, уснул.

Утром Линда осуждающе смотрела на меня, потом все же высказала свое неодобрение моей неявкой к ужину.

– Да я поужинал в кафе, – успокоил я ее.

– Тебе, наверно, эта девчонка голову вскружила. Зачем я позвала ее, – ворчала она.

– Хорошая девчонка. Спасибо за знакомство с ней, – ответил я, – А у нее есть парень, друг?

– Да был какой-то, хиппи: длинные волосы, свободная любовь, Девчонка и учебу забросила совсем. Моя сестра Мэри, ее мать, уже не знала, что и делать. Мужа, отца Лили, давно с ними нет: ушел к другой женщине, когда Лили была маленькой. Тут мы с Джоном и вмешались. Джон хорошенько поговорил с этим хиппи, тот и пропал куда-то. Лили погоревала, да вот уже, видно, отошла.

Вообще-то, Лили не приглянулась мне. У нас в Союзе девчонки красивее. Она, конечно, тоже ничего, но на таких у нас особо внимания не обращают. Но что у нее не отнять, так это отличную фигурку и большие серо-голубые глаза, которые, когда смотришь в них, делаются как будто еще больше, и кажется, что ты сейчас утонешь в них.

– А у тебя там была подружка? – поинтересовалась Линда.

– Не было. Я же футболом занимался, на другое и времени не хватало.

– Ну и правильно. Это никогда не поздно. На твой век женского пола хватит, – одобри-тельно покачала головой Линда.

Тут зазвонил телефон. Она взяла трубку:

– Тебя – Лили.

Я подошел к телефону.

– Встречаемся на вокзале через полтора часа, – сказала Лили.

– О'кей, – ответил я и положил трубку.

– Опять свидание? – спросила Линда.

– Так я еще не все посмотрел. Едем в Кресвел-Крэгс сегодня.

– К ужину не опаздывай.

– Постараюсь.

– Да уж, постарайся, пожалуйста.

Лили уже ждала меня на вокзале, подходя туда, я увидел ее стройную фигурку в облегающем голубом плаще с ярким, красным зонтом над головой. Моросил мелкий дождь, к которому я уже успел привыкнуть здесь.

– Привет. Иди сюда, – взяв мою руку, она придвинулась ко мне, накрыв меня зонтом. Внезапно я ощутил волнение от близости ее тела, обнял за талию и поцеловал в губы. Лили, к моему удивлению, отнеслась к этому спокойно и только произнесла:

– Какой ты быстрый, однако. Мы видимся второй раз в жизни.

– Это любовь с первого взгляда, – сказал я. – Это сильнее меня.

– Пойдем, пора на поезд, – отстраняясь от меня, Лили направилась к вагону поезда. Я поспешил следом. В поезде было довольно многолюдно. Лили сказала, что это едут туристы.

Доехав до небольшого местечка Уорксоп, мы сошли с поезда и сели на рейсовый автобус, на котором доехали до самого ущелья.

Надо сказать, что эта экскурсия занимала меня гораздо меньше, чем близость Лили. Поэтому я воспринимал увиденное рассеянно и без должного интереса. В конце концов, это заметила и она.

– Что с тобой сегодня? Ты смотришь все время на меня и обниматься лезешь. Мы не для этого здесь находимся, – сказала мне Лили, выскальзывая из моих объятий. Я подумал, что и вправду веду себя как какой-то маньяк, и окружающие уже поглаживают на нас с любопытством.

– Извини, – сказал я ей. – Больше не буду, а то на нас уже смотрят.

– Наконец-то заметил, – усмехнулась Лили. Но и после этого, пещеры, которые мы осматривали, особого интереса у меня не вызвали.

«По крайней мере, можно хотя бы от дождя укрыться», – думал я, бродя по ущелью. Вернувшись в Ноттингем, Лили сказала, что у нее дела, извинилась и попросилась со мной. Я отправился в свой отель, в глубоком разочаровании ее внезапным бегством от меня.

– Пойдешь завтра на футбол? – спросил меня Джон, когда я вошел в отель.

– Конечно, – ответил я. – А с кем играем?

– С «Халл Сити». Давай я тебе покажу, где парни в футбол играют, может быть, и ты с ними играть будешь.

– Когда?

– Да хоть сейчас. Пошли?

– Ну пошли.

И мы с Джоном вышли из отеля.

– Слушай, – сказал он, – Линда говорит, что ты с Лили познакомился. Имей в виду, парень, я ее в обиду не дам. Если хочешь поразвлечься – ищи в другом месте, а Лили не трогай.

– Джон, Лили показала мне город и Кресвел-Крэгс. Да, она понравилась мне, но у меня и в мыслях нет ничего плохого.

– Да в том-то и дело, что ты тоже ей понравился. Она призналась в этом Линде. Ладно, сами разбирайтесь, но надеюсь, что ты меня понял.

– Я слышал об этой истории с хиппи и считаю, что ты сейчас прав.

– Жаль, парень, что ты пиво не любишь, а то я совсем считал бы тебя своим.

Так, разговаривая, мы подошли к огромной лужайке, ровной, как бильярдный стол, с подстриженным изумрудным газоном. На ней играли в футбол человек двадцать мужчин разных лет: от тинейджеров до взрослых лысоватых дядек с пивными животиками, в возрасте «далеко за сорок».

– О! – воскликнул Джон, оглядев играющих. – А вот и Гарри с ними бегают!

– Какой Гарри? – спросил я.

– Форвард из «Форест», – ответил Джон. – Что-то других не видно. А то обычно их несколько человек здесь мяч гоняют. Ну что, иди сыграй с ними, а я погляжу, что ты за футболист.

– Ну не могу же я играть в брюках и туфлях на каблуках. Надо купить спортивный костюм, кеды или кроссовки, а потом играть. А покажи мне Гарри, пожалуйста.

– Да вот, видишь, такой невысокий, юркий, в белой футболке.

Я присмотрелся: да, ловко этот Гарри расправляется с народом, обыгрывая по пять-шесть человек. Видно было, что он особо и не старался, так, дурачился, к восторгу болельщиков.

– Ну ладно, посмотрел, где играют и пойдём. Сейчас ужин, через двадцать минут. Линда не любит, когда опаздывают, – сказал Джон, и мы пошли в отель. У меня появилось чертовское желание: выйти на эту лужайку и сыграть против этого Гарри.

На следующий день мы опять все трое пошли на «Сити Граунд».

«Ноттингем Форест» принимал команду «Халл Сити» из одноименного города. Я заметил, что на трибунах накал страстей был поменьше, чем во время дерби с «Ноттс Каунти». Забив по мячу в каждом тайме, хозяева поля выиграли: два – ноль. Болельщики расходились довольные и благодушные, драк не было. Болельщиков «Халл Сити» отпустили с миром. Джон, как обычно, пошел в паб с приятелями отмечать победу, а мы с Линдой пошли в отель.

– А Лили придет к вам? – спрашиваю ее по дороге.

– А что ей у нас делать? – отвечает Линда.

– В гости. Родня все же.

– Да я у них с Мэри и так через день-два бываю, да и Джон тоже часто заходит. А им что у нас делать, ведь у нас отель, и лучше, когда постояльцы меньше видят хозяев и их родственников. Чем меньше людей в отеле, тем чаще туда возвращаются постояльцы, тем комфортнее им в нем.

– А у вас что, бывают одни и те же люди?

– Да. Те, кто приезжает сюда по делам, обычно предпочитают селиться там, где бывали уже, где персонал отеля знает их вкусы и привычки. А тебе все-таки Лили голову вскружила, выходит. Не зря ведь интересуешься..

Я промолчал, и Линда поняла, что она права.

– Она, конечно, хорошая девушка, но ей бы университет окончить сначала, а остальное будет еще. Да и ты...

Я понял. Кто я для них?! Какой-то русский, получающий подавание от приютившей меня страны. Что меня ждет в будущем, какая судьба?!

«Ну и ладно, черт с вами», – зло подумал я. Придя в отель, я улегся на кровать в своей комнате и задумался: «А ведь они правы. Зачем же я злюсь. Я на их месте думал бы точно так же».

Проснулся я утром успокоившимся, и вчерашние мысли уже не волновали меня. После завтрака решил пойти и купить себе спортивный костюм, кроссовки и мяч. Джон объяснил, где это можно сделать подешевле, и я отправился.

Вечером я был уже на той лужайке, где видел накануне футбольные баталии болельщиков. Гарри там не было. Я влился в одну из противоборствующих команд и забыл обо всем на свете.

Снова передо мной были: поле, мяч и ворота соперников.

После игры, усталые и довольные, мы расходились по домам. Меня настойчиво звали в паб мои новые приятели отметить победу над командой соперников. Но я, сославшись на срочные дела, распрощался, пообещав непременно быть завтра.

– Завтра будет труднее. У них будет Гарри, – сказал мне наш капитан, высокий кучерявый Джеймс, лет тридцати-тридцати пяти. – Но с тобой мы сможем обыграть их. Ты где так научился играть?

– У меня дядя был футболист, и он занимался со мной с пятилетнего возраста, – придумал я.

– А он, твой дядя, сейчас где?

– Да его уже в живых нет.

– Светлая ему память.

На следующий вечер я вновь пришел играть на лужайку и увидел Гарри. Матч начался, и Гарри, подхватив мяч, понесся к нашим воротам, обыгрывая всех на своем пути. Когда он приблизился ко мне, я сделал движение корпусом влево, зная, что он начнет обходить меня

справа. Он начал было это делать, но я был готов и выбил у него мяч. Мяч отскочил к нашему игроку, тот отдал его мне и я, сделав рывок и обойдя двух соперников, вонзил его в нижний угол ворот команды Гарри.

Мои партнеры обрадовано заголосили, а Джеймс хлопнул меня по плечу:

– Молодчага.

Гарри смотрел на меня удивленно и даже как-то растерянно. Ведь всех местных футболистов он знал, а тут появился некто, кто ему не знаком, и обыграть его хочет. Вот наглость-то! И снова мяч у Гарри, и снова он идет на наши ворота, пробрасывает его мимо меня и пытается убежать, но я стелюсь в подкате, выбивая мяч в аут. Гарри – само удивление, и вся фигура его похожа на знак вопроса. А я получаю пас от партнера и, сыграв в стенку с Джеймсом, обыгрываю их защитника и снова бью, теперь в другой нижний угол ворот – гол.

Гарри не выдержал и подошел ко мне:

– Парень, ты где играешь? Я вроде бы всех знаю из местных команд, но тебя никогда не видел.

– Я тут недавно поселился и нигде еще не играю, но хотел бы.

– А где играл до этого?

– Я в Англию приехал с континента, а там играл в чемпионате одной из стран.

– Немец, француз?

– Немец, – соврал я, не говорить же ему правду, что я из соцстраны. Нас ведь учили, что мы с ними враги, и это крепко засело в голове.

– Ты приходи завтра. Будут еще наши парни из «Форест». Поглядят, что ты за игрок, а там, может, и тренер нагрянет сюда.

– Ладно, приду, – пообещал я Гарри.

Матч наш продолжился, и мы с Гарри попеременно обыгрывали друг друга, забивая голы. Противоборство наших команд перешло в нашу дуэль, наш поединок, результатом которого стала ничья.

Гарри и внешними данными, и манерой игры удивительно напомнил мне друга моих юных лет в футбольной школе молодежи Сашку, по прозвищу Мэтьюз (в честь великого английского форварда, первого обладателя приза «Золотой мяч» в истории). Кстати, мы с Мэтьюзом составили неплохой тандем в команде, немало головной боли доставивший защитникам соперников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.